

У дер. Кветунь находится комплекс расположенных рядом и перекрывающих частично друг друга памятников, имеющих важнейшее значение для истории не только местной группы племен северян, но и вообще для всего славянства в изучаемом междуречье. Здесь около сорока лет назад находилось до двух тысяч курганов, покрытых дубовым лесом. Но лес был вырублен, а курганы начали распахиваться. Это урочище до настоящего времени именуется «Гаем», хотя деревьев там нет. У дер. Кветунь находится городище с южновосточным культурным слоем. К городищу пристроена вторая площадка с культурным слоем славянского времени. Здесь же, в ближайшем соседстве, находится усадьба бывшего Спасо-Челницкого монастыря. Вся эта усадьба и монастырский сад располагаются на огромном древнем селище. Соседние с городищем торки и пойма Десны также имеют следы древних селищ и курганных групп. Эти селища были вскрыты траншеями военного времени 1941—1945 гг. В траншеях прослеживался культурный слой, простирающийся на 400—500 м вдоль кромки высокой террасы деснинской долины. Содержание культурного слоя здесь не было однородным. В стенках траншей и выкопках можно было наблюдать материалы южновосточного и зарубинецкого времени, амфорную и славянскую гончарную керамику XI—XIII вв., изделия из рога и кости и стеклянные браслеты, глиняную обложку от плетевых стен и обломки плинф и т. д.

В 1946—1948 гг. в урочище Гай насчитывались уже не тысячи, а сотни курганов, а к 1962 г. их число сократилось до нескольких десятков. Но как бы то ни было, кветунский культурный комплекс по числу насыпей на изучаемой территории является вторым после известного Гнездовского могильника у Смоленска. Но гораздо больший хронологический объем его древностей в сравнении с Гнездовым делал его более интересным. М. В. Воеводский видел в нем один из древнейших русских городов, имя которого случайно не сохранилось на страницах русских летописей⁴. В данной связи обращает на себя внимание интересное сообщение Иордана Готского, в котором этот историк очерчивает границу области обитания склавинов и автов. Эта территория, по Иордану, как можно представить себе, в VI в. была близкой к некоему огромному треугольнику. Начало границы славянских земель Иордан помещал где-то к северо-востоку от Днестра, т. е. в Среднем Поднепровье, возможно, на берегах Десны. Отсюда линия спускалась к юго-западу до устья Днестра. Затем Иордан поворачивал ее на север к р. Висле. Чтобы замкнуть треугольник, нужно было вернуться к исходной точке, которая могла лежать только к востоку от Вислы. Сам Иордан писал, что очерчиваемая им граница начинается «от города Новьетуна...»⁵. Среди наименований древнерусских летописных городов нет ни одного с названием, более или менее похожим на приведенное Иорданом. Лингвистическая реконструкция, с учетом перевода с древнерусского на византийский или готский язык, с переогласовкой согласных букв, с точки зрения языковедения, вполне допускает следующую транскрипцию: «Новьетун — Ковьетун — Кветун», т. е. реальный Кветун оказался переименованным как Новьетун.

В связи с изложенным выше значение упомянутого памятника следовало бы в своде подчеркнуть. В описании исследованной кветунских древностей в своде указаны лишь раскопки Л. В. Артишевской в 1957 г. и В. А. Падина в 1948 и 1958 гг. (стр. 61), тогда как еще задолго до этих работ в 20—30-е годы здесь проводились раскопки Г. М. Поршняковым, П. Н. Гоголевым и мною⁶. К частным замечаниям относятся некоторые неточности маршрутной карты (табл. I). План большого славянского городища в Трубчевске вообще не соответствует действительности (табл. II, I). В алфавитном указателе отсутствует упоминание городища «Макча», имеющего большое значение для понимания соотношений культур позднеюжновосточной и раннеславянской. А в описании этого памятника (стр. 63, § 116) не указаны мои довоенные раскопки, вскрывшие на городище круглые в плане жилища старшекашпирского типа и древнюю печь-смолокурку на селище у этого городища⁷. И совсем непонятно странное отнесение к памяти замечательного краеведа-этнолога, бывшего заведующего Бежицким Домом пионеров, учителя Николая Ивановича Леликова, который в рецензируемом своде более десяти раз обозначен как «Леликов» (стр. 20, 47) и ни разу правильно. Но именно под его руководством еще в школьные годы нашли свое признание археологи Ф. М. Заверняев и Е. А. Шмидт.

Однако замеченные погрешности ни в какой мере не могут лишить рецензируемый свод его огромного значения в науке. Опубликование этого выпуска выявляет общую картину состояния источников, их количества, состояния и распределения изученных и неизученных памятников на территории Деснинско-Днепровского меж-

дуречья. Выпуск свода явится незаменимым подручным справочником и руководством при дальнейшем планировании научных исследований. Рецензируемый труд уже сейчас стал настольной книгой всех, кто по условиям своей работы или в силу своих научных интересов связан с изучением древней истории Днепровско-Деснинского междуречья.

СА, ~~1965~~ 1965 № 1, М. 1965

В. П. Левенко

Ярославское Поволжье X—XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников. Под ред. д-ра историч. наук А. П. Смирнова. Изд. Гос. Историч. музея и Ярославского музея-заповедника. М., 1963. 144 стр. с прил. 10 таблиц на отд. листах. Тираж 1000 экз.

За годы Советской власти, особенно в последние десятилетия широко развернулись археологические исследования важнейших исторических памятников древней Руси IX—XI вв., имеющих первостепенное значение для изучения проблемы формирования классового общества и государства. Однако публикация и научный анализ богатейших материалов, добытых советскими археологами в результате многолетних раскопок, заметно отстают от полевых исследований, что сильно задерживает развитие нашей науки. Достаточно напомнить, что материалы раскопок крупнейших древнерусских могильников — Гнездовского (Д. А. Авдусин), Шестовицкого (П. Смолдин, Я. В. Станкевич, Д. И. Влифельд), Приладожских (А. М. Линецкий) — в основной своей массе остаются неопубликованными, и об этих раскопках известно лишь из предварительных отчетов и сообщений, разрозненных по разным изданиям. Поэтому особенно важно, что сотрудники Государственного Исторического музея (Н. Г. Недопишина, В. А. Майм и др. во главе с М. В. Фехнер), раскопавшие в 1959—1963 гг. три крупных могильника X—XI вв. в окрестностях Ярославля, сразу по окончании полевых работ подготовили большую сводную научную публикацию результатов своих археологических исследований, представив в распоряжение ученых материалы одного из важнейших археологических памятников древней Руси.

Ярославские могильники стали изучаться археологами еще с 1870-х годов, и один из этих могильников — Михайловский — давно уже получил широкую известность. Однако результаты доревлюционных раскопок были частью опубликованы в малодоступных изданиях (в России и за рубежом), частью остались неизданными, а публикация результатов раскопок Я. В. Станкевича конца 1930-х годов почти полностью погибла в годы блокады Ленинграда. Поэтому очень хорошо, что в рецензируемом издании охватываются не только материалы полевых исследований 1959—1963 гг., но и все сохранившиеся изданные и неизданные материалы и вещицы находки из раскопок предшествовавших десятилетий. Во время полевых исследований 1959—1963 гг. на всех трех ярославских могильниках были полностью раскопаны все оставшиеся курганы; была вскрыта 431 курганная насыпь и использованы при подготовке публикации сохранившиеся материалы по 212 ранее раскопанным курганам. Таким образом, рецензируемое издание охватывает полностью материалы всех трех ярославских могильников X—XI вв.

В издании включены три очерка, посвященные общему обзору каждого из трех могильников, и 12 небольших статей, дающих анализ различных видов археологических находок (в целом по всем трем могильникам). В этих статьях характеризуются найденные в могильниках орудия труда, керамика, бытовые вещи, украшения, предметы вооружения, торговый инвентарь, предметы культа и др. В приложениях даны (на основании полевых дневников) краткие описания 643 погребальных памятников.

Исследователи комплексно обработали очень значительный археологический материал. Благодаря богатству и полноте источников им удалось выявить и проследить развитие многих явлений и процессов, связанных с культурной жизнью такого большого русского района, каким являлось Ярославское Поволжье в X—XI вв. Авторы сообщают много нового о costume, украшениях, керамике, обряде погребения, социальном и этническом облике жителей этого края.

В аннотации и во введении кратко говорится о важном значении, с давних пор придававшемся Михайловскому и Тимиревскому могильникам для решения норманской проблемы. Однако сказанного там недостаточно. В обобщающей публикации по ярославским могильникам следовало полностью показать значение этих памятников в норманистской литературе XX в.

Мнение о скандинавском характере Михайловского и Тимиревского могильников, выдвинутое еще в начале XX в. их исследователем И. А. Тихомировым, получило широкое признание в работах Т. Арне, для которого ярославские могильники стали одним из главных доказательств его теории норманской колонизации России⁸. Считая, что из русских могильников именно Михайловский судит дать наиболее яркие доказательства его теории. Арне сам предпринимал здесь в 1913 г. раскопки

⁸ T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Upsal, 1914, стр. 52—54; егo же. Shenska vikingakolonier i Ryssland. В кн.: T. J. Arne. Det stora Svitjod. Stockholm, 1917, стр. 38—60 и др.

⁴ М. В. Воеводский. Результаты работ Деснинской экспедиции. КСИИМК. XXI, М.—Л., 1947, стр. 46.

⁵ Иордан. О готах, III, 34—35.

⁶ Рукописный архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 2, № 1587, 1941 г.; В. П. Левенко. Кветунские курганы (дневник раскопок, планы раскопанных в 1936—1940 гг. курганов, зарисовки могильных инвентарей). Архив Сектора палеолита ЛОИА АН СССР, № 2. Археологический отчет В. П. Левенка за 1936 г.

⁷ Архив Сектора палеолита ЛОИА АН СССР, № 13; В. П. Левенко. Археологический отчет за 1940 год. Там же, полевая книжка за 1941 г.

курганов². Со времени издания первых работ Арне утверждение о наличии норманской колонии на месте Ярославля является одной из основ современного норманизма в археологии. И более того, тезис о скандинавском характере ярославских могильников способствовал появлению норманистских исторических построений о якобы существовавшем в IX—X вв. на Волжском пути у Ярославля крупном варяжском центре, о возникновении здесь варяжского княжества или варяжского «каганата» (И. П. Смирнов, А. Стендер-Петерсен и др.)³.

Важное значение ярославских могильников в системе аргументации современного норманизма обуславливает большую научную актуальность произведенного работниками Исторического музея полного исследования этих могильников. Только путем целостного археологического изучения ярославских могильников можно установить действительно ли здесь находилась в X—XI вв. норманская колония.

В этой связи первоочередное значение имеет вопрос об этнической принадлежности могильников. Мнения предшествующих исследователей расходятся: норманисты приписывали эти могильники скандинавам, Я. В. Станкевич — славянам⁴, Е. И. Горюнов — племени меря⁵.

Авторы рассматриваемой книги, сопоставив вещи и обряд погребения, выделили ряд устойчивых, повторяющихся черт, позволивших с большей или меньшей вероятностью установить этническую принадлежность погребенного. Они угли такую важную черту погребального обряда, как ориентировка покойников. При этом они исходили из того, что для славян типична ориентировка головой на запад, для финских племен — головой на юго-запад или на север. Ориентировку покойников авторам удалось проследить не только для курганов с труположениями, но даже в ряде случаев и для курганов с трупосожжениями. При этом выяснилось удивительное соответствие ориентировки, погребенного и набора определенных вещей указывающих на его племенную принадлежность (например в финских погребениях встречались костяные коноушки, крупные бронзовые бусы, а также культовые предметы — глиняные лапы и кольца). В результате авторы книги вполне убедительно доказали, что ярославские могильники оставлены преимущественно местным финским и в меньшей мере пришлым славянским населением; эти могильники свидетельствуют об активной славянской колонизации Ярославского Поволжья в X—XI вв. (стр. 15, 17, 49).

В составе Тимиревского могильника М. В. Фехнер удалось выявить небольшое число погребений, которые «по некоторым деталям погребального обряда и отчасти по инвентарю» определены как скандинавские. Таких курганов всего 12 (из общего числа изучавшихся 358 курганов этого могильника). В Петровском и Михайловском могильниках выявить норманские погребения не удалось. Хотя избранные М. В. Фехнер критерии не во всех случаях убедительны и возможно, что скандинавских погребений было здесь несколько больше⁶, в общем основной тезис авторов о местном — финском и славянском (а не скандинавском) — характере ярославских могильников можно считать доказанным. Абсолютное большинство погребальных памятников действительно носит здесь типично местный финский или славянский характер. Этот результат исследований авторского коллектива имеет важное значение: полное и комплексное исследование всех трех ярославских могильников опровергает основывавшееся лишь на отдельных находках утверждение норманистов о наличии в этом месте скандинавской колонии.

Менее удачной нужно считать попытку дать более конкретную атрибуцию основной массы погребальных памятников — «финских погребений», которые, по мнению М. В. Фехнера, следует отнести к племени меря. Автор ссылается на наличие многих «общих черт с курганами Приладожья», но не дает детального обоснования своего мнения (стр. 15). Между тем и по историческим, и по лингвистическим данным

² T. J. Arne. Ett svenskt gravfält i guvernementet Jaroslavl, Ryssland. Fornvännen, 1918, стр. 31—64.

³ И. П. Смирнов. Вольский шлях и стародавни руси. Київ, 1929, стр. 33—35, 101—161. A. Stender-Petersen. Das Problem der byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. III, Firenze, 1955, стр. 167, 180—182 (одна из главных исторических концепций современного норманизма).

⁴ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в 9—10 ст. МИА, 6, 1941, стр. 82—84.

⁵ Е. И. Горюнов. Этноческая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 196, 198.

⁶ Сведения о характере скандинавских погребальных памятников IX—XI вв. берутся авторами из работы шведского археолога М. Стрёмберга, построенной на материале южношведской области Сконе; между тем для аналогий более важен материал средней Швеции (и особенно — могильника Бурки), ибо именно эта область вела основные сношения Швеции с Восточной Европой. Из инвентаря, типичного для норманов, не учтен такой специфический культовый предмет, как гривны с «молотками Тор». Они найдены в шести курганах, но лишь один из них авторы считают скандинавским. Однако подобные коррективы могут лишь немного изменить намеченное авторами примерное число скандинавских погребений, не меняя общей картины.

это предположение совсем маловероятно⁷. Более правдоподобно мнение Е. И. Горюновой, что эти памятники принадлежали мере⁸.

Довольно убедительно предположение М. В. Фехнера новое объяснение сосуществования в одно и то же время в одном могильнике трупосожжений, произведенных на месте кургана и на стороне. Это явление автор связывает не с этническими различиями, а с климатическими и природными условиями. Автор предполагает, что зимой при сильных морозах и глубоким снеге, когда было трудно насыпать курганы, сожженные кости покойника сохранялись его родственниками до весны, когда уже было легко возвести курган над останками покойника. В остальные времена года курган насыпался сразу после кремации над местом сожжения (стр. 12—13).

Авторы рецензируемой книги смогли уточнить (до 25—75 лет) датировку памятников. Большую часть погребений они относят ко второй половине X — началу XI в. (что соответствует времени наиболее интенсивной славянской колонизации). К установлению более узких дат авторов подтолкнули хорошо датированные и четкие в вещных модах принадлежности северо-европейского костюма — пряжки и фибулы. Авторы считают, что хронология этих вещей на Севере и Востоке Европы одинакова, и, следовательно, имеются большие возможности для сравнительного привлечения иноземного материала в качестве надежного датирующего средства при обработке отечественных древностей.

Авторы рецензируемой книги показали, что могильники образовались из нескольких курганов, позднее соединившихся в одно кладбище. Эти группы тиготели к каким-то поселениям, и, следовательно, гнездо курганных полей предполагает гнездо близлежащих поселений. Сделав эти важные наблюдения, авторы, однако, далее становятся непоследовательными, ибо полагают, что ярославские некрополи соответствовали каким-то сельским поселениям (теперь, по-видимому, разрушенным).

Поскольку с самим Ярославлем связь могильников отрицается, остается загадкой, что представляли собой поселения, соответствовавшие Михайловскому, Тимиревскому и Петровскому некрополям. С нашей точки зрения, эти могильники, содержавшие помимо предметов сельского быта заметное число предметов высоко организованной ремесленной продукции (вряд ли все они были привозными), являются не сельскими, а городскими и отражают (как правильно заметили сами авторы) процесс феодализации общества и выделения дружинно-аристократической верхушки.

Авторы справедливо указывают на недружинный характер исследуемых кладбищ, ибо только 8—12% захороненных погребались с оружием. Исследователи реконструируют местную дружину, состоящую из бедных стрельцов-финнов (в их курганах обнаружены наконечники стрел) и состоятельных славян-мечоносцев (в этих курганах найдены мечи, кошия и др.). Получается, что на примере погребений с оружием социальный и этнический признаки как-то соответствуют друг другу. Такое представление выглядит слишком односторонним и упрощенным. А как быть, например, с Гнездовским могильником, где также имеется аналогичное разделение могил с оружием, но эти могилы не различаются по племенным признакам?

Следует отметить также, что в рецензируемой книге предложена новая трактовка часто встречающегося в могильниках Верхнего Поволжья, Суздальской земли и Аландских островов в Финляндии глиняных изображений звериной лапы. До сих пор исследователи считали, что это изображения медвежьей лапы, и связывали данные предметы с языческим культом медведя⁹. М. В. Фехнер, используя мнение специалистов-зоологов, приходит к выводу, что это были изображения лапы бобра, служившие проявлением древнего культа бобра (стр. 86—89).

Книга о ярославских могильниках в общем хорошо издана и аккуратно оформлена. Но, к сожалению, оставляет желать лучшего документальная сторона исследования. Требуется слишком много усилий, чтобы ознакомиться с книгой историков-этнографов. Сводные таблицы излишне громоздки и ими трудно пользоваться. Данные этих таблиц можно было бы изложить в приложениях, в текстовом описании отдельных курганов. В свою очередь, в последнем отсутствует ряд необходимых паспортных сведений (например когда и кем произведены раскопки) и нет ссылок на рисунки (или типы) вещей.

Изложение местами слишком протокольно и лаконично, некоторые положения высказаны торопливо, без объяснения, иногда с излишней категоричностью (особенно в части этнических и хронологических атрибуций). Для ряда комплексов

⁷ По Начальной летописи весь жила в районе Белоозера; по материалам топонимики сейчас установлено, что весь населяла область между Белоозером, Онежским и Ладозским озерами, а Белоозеро лежало на краю весьской земли; южнее и восточнее Белоозера (и тем более — в Ярославском Поволжье) весьская топонимика отсутствует.

⁸ Начальная летопись прямо указывает, что меря жила на Ростовском озере, в непосредственной близости от Ярославля.

⁹ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. Краеведческие записки, IV. Ярославль, 1960, стр. 49—50; E. Kivikoski. Eisenzeitliche Ton-tatzen aus Aland. ESA, IX, Helsinki, 1934, стр. 389—391.

даты, приведенные в тексте, по сравнению со сподными таблицами несколько сужены или завышены. К сожалению, исследователи почти полностью обошли вопросы исторической демографии, и читатель так и не получил ответа, какие группы населения в течение 100—150 лет насыщали сотни погребальных сооружений.

Отмеченные недостатки не снижают общей положительной оценки столь своевременно появившейся книги. Это издание будет иметь важное значение для изучения других современных могильников, в первую очередь Гнездовского и Шестовицкого. Несомненно, что появление книги о ярославских могильниках создаст новые возможности для расширения деловой дискуссии, посвященной возникновению Русского государства и культурному развитию его северных районов.

Следует пожелать энергичному, трудолюбивому и творчески спяющему коллективу, написавшему рецензируемую книгу, новых раскопок, новых исследовательских успехов.

А. Н. Кирпичников, И. П. Шаскольский

В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI века. Изд-во АН СССР. М., 1962.

Книга В. В. Косточкина — далеко не первый труд, посвященный крепостной архитектуре древней Руси. Крепостные постройки — эти материальные свидетели славы и героизма русского народа — издавна привлекали внимание исследователей. Их список достаточно велик; здесь и знатоки военного искусства: Ф. Ласковский, А. Савельев, Л. Фриман, специалисты-искусствоведы: Ф. Горностаев, М. Красовский и прсто любители старины: А. Глаголев, Г. Лукомский и др.

Советские ученые В. Богусевич, Н. Воронин, А. Монгайт, П. Раппопорт и другие посвящали не одно исследование вопросам русского военного зодчества. В последние годы сделано очень много для воссоздания истории отдельных крепостных построек и установления основных этапов развития русской военной архитектуры. Особенно следует отметить серьезный труд П. А. Раппопорта «Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.». И все-таки проблема оборонного зодчества древней Руси во всем ее многообразии фортификационных, технических, градостроительных и художественных вопросов не была исчерпана до конца.

Заслуга автора рецензируемой книги заключается в комплексности метода исследования. Весторонний анализ явлений с позиций историка, специалиста в области фортификации, архитектора и искусствоведа позволил В. В. Косточкину дополнить имеющиеся данные и создать целостную и убедительную картину развития русского оборонного зодчества с конца XIII по начало XVI в. В исследовании теснейшим образом связаны изменения объемно-пространственной структуры крепостей с развитием военного искусства и фортификационной техники.

Углубленное изучение средневекового военного дела позволило автору книги обосновать этапы развития оборонительных построек требованиями обеспечения их защиты от новых средств нападения, а также использование этих средств для активной обороны. Тесная взаимосвязь утилитарных и технических вопросов с архитектурой оборонных сооружений проходит красной нитью через все исследование, отвечая материалистическому положению Г. В. Плеханова, что «потребительская ценность предшествует эстетической».

Новая постановка ряда вопросов и опровержение отдельных устаревших положений, а также введение в научный обиход ряда неизвестных фактов — несомненный вклад В. В. Косточкина в историю отечественной архитектуры. Огромный фактический материал и выводы исследования бесспорно служат пользу в дальнейшем изучении русского оборонного зодчества, а также получат практическое применение при реставрации крепостных сооружений.

Формулируя во введении задачи исследования, В. В. Косточкин подчеркивает, что основной целью было вскрыть характер главнейших изменений в оборонном зодчестве рассматриваемого периода и установить их причины, а не дать свод монографических сведений об отдельных крепостях (стр. 9, 10). Постановка вопроса в историко-теоретическом плане увеличивает ценность работы.

Возможно, следовало бы во введении более четко обосновать хронологическую границу конца исследования. Одной из причин исторических рамок работы выдвигается наступление в начале XVI в. периода «боярского правления», стремившегося «овладеть центральным правительственным аппаратом и превратить его в орудие корпоративных интересов феодальной аристократии» (стр. 9). Однако «боярское правление» начинается после смерти Василия III и охватывает время 40-х и 50-х годов XVI в. Анализ же оборонительных построек заканчивается 1531 г. — строительством укреплений Зарайска — и не включает уже возведенные в 1534—1538 гг. Китайгородские стены.

Первый раздел «Общая картина оборонительного строительства» дает ясное представление о путях развития крепостного зодчества в периоды феодальной раздробленности и сложения русского централизованного государства. В разделе рассматривается стратегическое значение оборонительных сооружений и приводятся

общие данные о крепостях. Автором проведен серьезный анализ исторических условий, в которых развивалось оборонное зодчество. Опубликованный большой фактический материал о строительстве крепостей хорошо документирован в основном первоисточниками. Следует особо подчеркнуть научную добросовестность и тщательность аргументаций, о чем свидетельствуют 922 ссылки на источники.

Принципиальные положения и выводы этого раздела не встречают возражений. Однако увеличение автора своей темой сказалось на некоторой односторонности рассмотрения причин строительства городов — под углом в основном стратегических соображений. Вопросы обороны, конечно, являлись в то время решающими, но сбрасывать со счетов факторы экономического развития отдельных княжеств или централизованного русского государства, которые в свою очередь оказывали влияние на строительство укреплённых населённых мест, тоже не приходится.

В выводах совершенно правильно указывается, что «стратегическое значение оборонительных сооружений не ограничивалось задачами обороны ближайшей округи и защитой сконцентрированного за ними населения. В период феодальной раздробленности они охраняли также торговые и стратегические магистрали...» (стр. 93). К сожалению, это положение не получило должного развития в тексте раздела.

Следовало, с нашей точки зрения, также более четко обрисовать роль иностранных мастеров, принимавших участие в строительстве стен и башен Московского Кремля в конце XV в. Сведения, приводимые в летописях, показывают, что новая кирпичная стена в своей основной части повторила планировочное решение белокаменного кремля Дмитрия Донского, сохранив принципиальную схему расположения старых крепостных ворот и башен. Таким образом, иноземные зодчие в значительной мере выполняли более узкую техническую задачу возведения отдельных башен и участков стены с использованием достигшей фортификационной техники. В летописях так и говорится, что Антон Фрязин в 1485 г. заложил «стремянцу» у Чешковских ворот, Марко Фрязин в 1487 г. «совршил Беклемишевскую башню», Петр Антонин Фрязин в 1490 г. построил «стремянцы» у Боровицких и Константино-Еленинских ворот, а Петр Соларя в 1491 г. начал возводить «стремянцы» у Фроловских и Никольских ворот и т. д. Это показывает, что общее руководство осуществлялось не иноземными мастерами, а в общегосударственном плане.

На стр. 80 вкралась обидная неточность. Из текста следует, что «древнейшее сохранившееся здание Пскова — церковь Василия с Горки 1413 г.». Достаточно вспомнить храм в Мирожском монастыре, возведенный около 1156 г. (правда, позднее сильно искаженный переделками), собор Иоанпсовского монастыря в Завельчье, датируемый первой половиной XIII в., или собор Снетогорского монастыря — 1311 г.

Второй раздел «Объемно-планировочная структура оборонительных сооружений» раскрывает принципиальные изменения типологического порядка, происходившие в оборонном зодчестве с конца XIII по начало XVI в. Основываясь на анализе развития военной техники, и в первую очередь артиллерии, В. В. Косточкин рисует эволюцию русских крепостей от однобашенных с криволинейным очертанием стен до многобашенных с более геометрически правильной структурой плана.

Несмотря на то что воздействие артиллерии на формы крепостных сооружений рассматривалось рядом исследователей, в этот вопрос автор книги вносит ряд уточнений и выдвигает достаточно убедительную концепцию. Он полагает, что небольшое разрушительное действие первых пушек вызвало их использование сначала для защиты крепостей, с целью поражения живой силы противника. Этим автор объясняет строительство в конце XIV в. башен, предназначавшихся для размещения пушек на «приступных» стенах. Последующее развитие огнестрельных средств и применение артиллерии для разрушения крепостей обусловило в начале XV в. утолщение стен, а дальнейшее совершенствование «бога войны» повлекло за собой «выпрямление» отрезков стен между башнями и их перегруппировку, приводящую в конце XV в. к появлению оборонительных построек с геометрически правильной объемно-планоной структурой.

Положение автора о тенденции с конца XV в. к строительству геометрически правильных в плане крепостей правильно. Однако трудно согласиться с утверждением, что «по-видимому, в XV в. приращение планам городских сооружений почти правильных прямоугольных очертаний совместно с четкой расстановкой ворот и башен по периметру было уже широко используемым приемом в русской военной архитектуре» (стр. 164). Нам кажется, что для XV в. еще трудно говорить о широком использовании в оборонной архитектуре плановых схем с почти правильными прямоугольными очертанием. Тем более, что даже XVI век дает нам сравнительно немного примеров строительства крепостей правильной прямоугольной формы. С нашей точки зрения, точнее констатировать несомненное стремление к спрямлению участков стен между башнями, связанным с организацией флангового обстрела вдоль прясел, а также более равномерное расположение башен. Вполне естественно, что это влияло на геометризацию всей композиции, в связи с чем в отдельных случаях план крепости приближался к форме прямоугольника. Строгая геометричность планировки шла в разрез с необходимостью связи фортификационной системы с естественными препятствиями, поэтому она могла применяться в условиях равнинной местности и при относительно небольших размерах крепости.